

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.5.23

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ВЛАСТИ, НАСИЛИЮ, СПРАВЕДЛИВОСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ XIX ВСЕМИРНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА

Кравченко Сергей Александрович

Доктор философских наук, профессор,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации;
главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: sociol7@yandex.ru

NEW APPROACHES TO POWER, VIOLENCE, JUSTICE: ON THE MATERIALS OF THE XIX WORLD SOCIOLOGICAL CONGRESS

Sergey A. Kravchenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Chief Researcher
of the Institute of Sociology
FNISTS RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: sociol7@yandex.ru

На основе материалов XIX Всемирного социологического конгресса анализируется усложняющаяся природа власти, насилия, справедливости. Показываются, что они под влиянием прагматических трендов развития наук и технологий становятся подверженными метаморфозам, обретая новое качество. Конкретно рассматриваются метаморфозы социальной власти в цифровую власть, социального насилия в цифровое

Based on the materials of the XIX World Sociological Congress, the increasingly complex nature of power, violence, and justice is being analyzed. It is shown that, under the influence of pragmatic trends in the development of sciences and technologies, they become subject to metamorphosis, gaining a new quality. Specifically examined are the metamorphoses of social power into digital power, social violence in digital violence and culturally condi-

насилие и культурно обусловленной справедливости в цифровую несправедливость. В результате происходящие метаморфозы с социумом, по мнению ряда ученых, в частности канадских социологов У.Х. Вандербурга и В. Моска, чьи работы были презентованы на форуме, столь велики, что предполагают востребованность перехода всех наук, включая социологию, на новый тренд развития, суть которого ими видится в формировании трансдисциплинарных предметных полей с культурным стержнем. Отмечается, что и российские социологи за последние годы немало сделали, чтобы возродить культурно обусловленную дисциплинарность научного знания, а в самой социологической науке осуществить гуманистический поворот.

Ключевые слова: XIX Всемирный социологический конгресс; метаморфоза; цифровые технологии, побочные эффекты; цифровая власть; цифровое насилие; цифровая справедливость; гуманистический поворот.

tioned justice in digital injustice. As a result, the ongoing metamorphosis with the society, in their opinion a number of scientists, in particular, Canadian sociologists U.H. Vanderbourg and V. Moska, whose works were presented at the Forum, are so great that they imply the demand for the transition of all sciences, including sociology, to a new development trend, the essence of which is seen in the formation of transdisciplinary subject fields with a cultural core. It is noted that Russian sociologists have done a lot in recent years to revive the culturally conditioned disciplinary nature of scientific knowledge, and in the sociological science to implement a humanistic turn.

Keywords: XIX World sociological congress; metamorphosis; digital technologies; side effects; digital power; digital violence; digital justice; humanistic turn.

Введение

Социологи всегда уделяли повышенное внимание проблемам власти, насилия и справедливости. Именно они были вынесены организаторами XIX Всемирного социологического конгресса на обсуждение в силу того, что их природа развивается *ускоряющимися* темпами и *усложняющимся* образом, обретая сегодня принципиально новое качество. Еще десять лет назад VIII конференция Европейской социологической ассоциации особо отметила тенденции ускоряющейся и усложняющейся социокультурной динамики современных обществ, что касается практически всех реалий (Кравченко, 2008). Ныне на еще более *сложную природу* социума указала М. Абрахам, президент Международной социологической ассоциации: «Мы собрались на конгресс, чтобы обсудить сложности власти, насилия и справедливости в наше время» (Abraham, 2018. P. 11). На наш взгляд, сложность многих социальных реалий, включая власть, насилие и справедливость, выражается в происходящих с ними *метаморфозах*. Под ними мы понимаем *необратимые радикальные изменения*, предполагающие качественное усложнение природных и социальных реалий, связанное с изменением

их структур и функций (Кравченко, 2017. С. 3–14). При этом процессы метаморфозации охватывают все более широкие пласты социальных реалий, а сами метаморфозы становятся весьма сложными. Так, если К. Маркс раскрыл природу метаморфоз товарной формы в деньги и обратного превращения денежной формы в товар (Маркс, 1960. С. 120) в *конкретной экономической сфере*, то У. Бек утверждает, что ныне *весь мир* подвержен метаморфозе (Бек, 2016).

Идеи метаморфозации общества, экономики, власти, насилия, справедливости получили развитие в трудах известных канадских социологов, чьи книги были презентованы на конгрессе. Авторы этих трудов видят главный фактор метаморфоз в нынешних прагматических, меркантильных трендах развития науки и технологий, что ведет к *культурной деградации* всей человеческой цивилизации. Наиболее рельефно эти тенденции, как считает У.Х. Вандербург, директор Центра технологии и социального развития при Торонтском университете, проявились в побочных эффектах ориентации на абсолютизацию ценностей формального рационализма и эффективности в развитии наук и технологий. Предотвращение или по крайней мере минимизацию этих тенденций автор видит в переходе развития наук и технологий на принципиально новый тренд, в котором будет возрожден «человеческий дух» (Vanderburg, 2016). В. Моско, автор и редактор двадцати трех книг, профессор Королевского университета, полагает, что ныне происходит переход от постиндустриального общества и постинтернетного общества к *обществу цифровому*, побочные эффекты которого изменяют собственно человеческие коммуникации на *человеко-машинные* коммуникации, которые радикально преобразуют природу власти, насилия и справедливости (Mosco, 2017). Происходящие трансформации с социумом, по их мнению, столь велики, что предполагают востребованность перехода *всех* наук, включая социологию, на новый тренд развития, квинтэссенция которого – формирование *трансдисциплинарных* предметных полей с *культурным стержнем*.

Метаморфоза социальной власти в цифровую власть. Всегда власть была *социально* обусловленной. Её характер и содержание изменялись по мере развития и усложнения социальной структуры общества. Так, в марксизме власть – способность класса, владеющего основными средствами производства, осуществлять социально-политическое господство (Энгельс, 1961); по М. Веберу – социальное взаимодействие, при котором одна сторона навязывает волю другим с помощью права, авторитета или традиций; соответственно, им были выделены легальная, харизматическая и традиционная власть, каждый

тип которой социально и исторически обусловлен (Вебер, 1990); по Т. Парсонсу – символический посредник, циркулирующий внутри политической системы; специальный ресурс, позволяющий руководителям, наделенным соответствующими полномочиями, проводить в жизнь решения от имени коллектива (нации, государства, города, фирмы) (Парсонс, 1997); по М. Фуко – сложные взаимодействия людей, являющиеся отношениями силы, противостояния, которые «всегда обратимы», проявляются в различных формах – господство, подавление, цензура, побуждение, практикуются как правителями, так и управляемыми посредством повседневных дискурсивных практик. Соответственно, выделяются разные типы власти, которые обусловлены характером социальных сфер: власть-знание, власть-господство, власть-дисциплина (Фуко, 2002); по Р. Эмерсону – структурный потенциал, происходящий из социальных отношений зависимости, которую в принципе можно измерить и выразить математически: власть актора А. над актором Б. тождественна зависимости актора Б. от актора А. (Emerson, 1962); по Э. Гидденсу – преобразующая способность человека (Giddens, 1984); по Дж. Александру – коммуникационная среда, характерная для общества постмодерна, имеющая символические коды доминирования, господства, подавления (Alexander, 2006).

Под влиянием прагматического характера науки и технологий, информатизации и цифровизации всего социума власть радикально меняется, из неё выхолащивается социальный и культурный контекст. К этому общество шло довольно долго, результаты чего стали рельефно видны только сегодня. По мнению У.Х. Вандербурга, в эпоху Просвещения сложились мифические представления о том, что «наука может познать все», а «материальные, социальные и духовные технологии могут преобразовать все». При этом сложился *культ факта*, специфический для каждой дисциплины, научные поля которых плохо пересекались друг с другом. Также утвердился *культ эффективности*, главный критерий которого – производство денег как «ценности ценностей», что явилось, с одной стороны, двигателем конкуренции научных теорий и развития технологий, а с другой – фактором умаления социальных и культурных реалий для развития обществ. Так, социологи изучали, как люди преобразуют науки и технологии, но практически не исследовалось обратное влияние – их воздействие на социум и природу, конкретные сферы жизнедеятельности людей. До становления постиндустриального общества, а затем и цифрового общества подход исследования человеческой жизни и мира через призму предметного поля конкретной дисциплины и одной категории явлений

работал достаточно эффективно для изучения относительно простых социальных и природных реалий. «Но это, очевидно, плохо подходит для ситуаций, в которых сложные категории явлений оказывают не тривиальные воздействия». Кроме того, культы факта и эффективности всячески умаляют социальное знание, производимое в культуре и жизненных мирах людей.

На ущербность формально-рационального и прагматического подходов впервые указали представители естественных наук. Известные физики, включая Н. Бора, А. Эйнштейна и др., отметили возникающую «необычайную сложность наших отношений с материей, энергией и окружающими средами». Явно и латентно новые реалии все более воздействовали на характер и общества, и власти. «Однако социальные науки мало изменились под влиянием этих открытий и рекомендаций». Утвердилось «информационное видение мира, изображающее жизнь в терминах компьютеров», что умаляет значимость культуры. Сегодня требуется «переоткрытие» подходов к интерпретации власти с учетом её обусловленности цифровизацией научного знания и технологий, чтобы утвердился «более жизненный и устойчивый мир». Положение вещей, когда «власть и эффективность должны характеризовать всё, что делается», должно быть преодолено (Vanderburg, 2016. P. 3, 4–5, 23–25, 32, 254).

В. Моско также считает, что наука и технологии становящегося цифрового общества радикально изменяют реалии власти, насилия, справедливости, лишая их собственно культурного содержания. Возникли невиданные ранее «значимые социальные проблемы концентрации власти несколькими глобальными компаниями и правительствами». Новые реалии цифрового общества «фундаментально изменяют отношения между людьми и цифровыми машинами», «означают постоянную интеграцию людей и машин». Но, главное, создаются принципиально новые властные структуры, «доминирующие над цифровым миром», являющиеся «силой в политико-экономических и геополитических конфликтах», а также «контролирующие индивидуальные тела и социальные отношения». Есть «пять наиболее значимых корпораций в мире», которые непосредственно связаны с американским правительством: «Эпл», «Гугл», «Майкрософт», «Амазон», «Фейсбук». С ними реально конкурирует только китайская «Алибаба», «являющаяся ныне значимой силой в мире вездесущих цифровых технологий». Власть мировых цифровых гигантов, по существу, осуществляющих тотальный контроль над процессами цифровизации в мире, «представляет фундаментальную угрозу демократии». Все они связаны с военно-

промышленными комплексами. Возникла реальная «перспектива сражений в дистанционных войнах без задействования в них масс солдат-людей, что способствует росту военных роботов». «Дроны выбраны, потому что они относительно дешевы, более быстры, чем пилотируемые аппараты, эффективно убивают». В этой связи канадский социолог ратует за то, чтобы «начать разработку двусторонних и многосторонних соглашений по контролю над растущей опасностью, исходящей от цифровых военных действий» (Mosco, 2017. P. 6–12, 41, 133, 144, 199). Как известно, все призывы российской стороны к американскому правительству о заключении договора о кибербезопасности остаются без ответа. Вероятно, наши цифровые структуры не рассматриваются как конкурентоспособные. Чтобы на равных участвовать в формирующейся глобальной цифровой власти, от чего зависит и геостратегическое положение России в мире, и её безопасность, необходимо приложить особые усилия по созданию адекватных требованиям времени цифровых структур, подчеркнем, в противоположность существующим с *культурным стержнем*.

Что же касается собственно социологических подходов к анализу становящейся цифровой власти, то они, по существу, только формируются с акцентом на значимости исследований её побочных эффектов. Речь идет о формировании нового междисциплинарного предметного поля, в которое сегодня можно включить лишь отдельные достижения социологов разных поколений. Приходится констатировать, что идеи М. Вебера о ненамеренных последствиях сциентизма и формального рационализма обрели сравнительно немногих последователей (Адорно, 1997; Фромм, 1997). Вместе с тем ранее на социальные проблемы культурного нигилизма указывали К. Манхейм, ратовавший за учет значимости локально-культурного и теологического знания (Манхейм, 1994), и особенно Ю. Хабермас, считавший, что формальная рациональность и сциентизм ведут к «колонизации жизненного мира» (Habermas, 1987). А У. Бек прямо выступал за оптимальное сочетание научного и социального знания: «научный рационализм без социального *пуст*, социальный без научного – *слеп*» (Бек, 2000. С. 35).

Мы в целом разделяем позиции канадских социологов, предлагая, однако, с одной стороны, их не абсолютизировать и толерантно относиться к классическим и неклассическим теориям власти (они могут быть использованы и сегодня для решения конкретных управленческих проблем) (Культура толерантности ... , 2004), а с другой – учесть проблематику конкретных новых рисков и уязвимостей, новых

реалий институционализации недоверия, обусловленных созданием сложных технологических систем (Кравченко, 2016).

Метаморфозы социального насилия в цифровое насилие. В доиндустриальном обществе у людей были относительно устойчивые представления о насилии, которые были обусловлены символизацией, жизненным опытом, культурой. Материалы XIX Всемирного социологического конгресса свидетельствуют о том, что достаточно многие социологи продолжают судить о современных реалиях насилия, исходя из прежних социально-культурных критериев, не принимая во внимание, насколько радикальным изменениям они подверглись под влиянием культов фактов и эффективности современного научного знания. Вместе с тем в различные формы социального насилия непосредственно входят цифровые компоненты, а также побочные эффекты прагматических трендов развития науки и технологий. О «социологических насилиях» сделал доклад аргентинский социолог Дж.Е. Кастро, который был представлен на пленарной сессии (Castro, 2018. P. 89). Ранее ученые Социологической школы МГИМО показали, что засилье макдоналдизированных практик питания в значительной степени обусловлено симулякрами «достоинств» американской еды и другими цифровыми технологиями (Социология питания ... , 2017. С. 186–258), а интеллектуальное насилие, исходящее из лженауки, порождено непреднамеренными последствиями развития самой науки, её прагматизмом, формальным рационализмом и дегуманизацией (Доверие к знанию ... , 2018. С. 91–109; Гуманистический поворот ... , 2018).

Наибольшие вызовы культуре несет собственно *цифровое насилие*. Мы не заметили, как создали миф о том, что цифровизация представляет только блага, не замечая весь спектр негативных побочных эффектов данного процесса. На их исследование обратил особое внимание У.Х. Вандербург, который сравнил цифровое насилие с «нашей войной с самим собой» (Vanderburg, 2011). По его мнению, в современном обществе утвердился социальный тип «гомо информатикус»: дети «стали зависимыми от “гугливания” всего... Мы начали перестраивать все культурные смыслы и ценности применительно к техническому миру, который не может поддерживать символические сущности и который неустойчив для планеты». Цифровое насилие отфильтровывает все культурное. «Например, телефон отфильтровывает “глазной этикет”, выражение лица, ритмы тела, обусловленные разговорами лицом к лицу. Текстовые послания и e-мейлы отфильтровывают еще больше». Таланты людей определяются их способностью оперировать дисциплинарным и цифровым знанием, а не культурой. «По-

следствия для семей, групп, дружеских отношений и других социальных связей ужасны... Мы приближаемся к ситуации, в которой почти невозможно развивать значимые, длящиеся и устойчивые социальные связи и отношения». Тинейджеры начинают жить, как будто у них нет культурных ресурсов, соответственно, «должны полагаться на другие многочисленные факты и мнения, доступные из их мобильных компьютеров... Шаг за шагом мир делается безопасным для техники и опасным для людей, сообществ и экосистем». Все, что возникает, «может быть названо антиобществами в том смысле, что почти все в этих обществах перевернуто в противоположность: культурно обусловленное знание в антизнание; культурно обусловленное преобразование в сферу антипреобразования»; жизнь людей в не-жизнь. Социолог заключает, что цифровизация создает «образ не-жизни, который, представляется, имеет гораздо больший эффект на наше ментальное здоровье, чем большинство людей готово это признать». Минимизацию последствий цифрового насилия автор видит в преодолении духа капитализма посредством «борьбы за человеческий дух... Техника в конечном счете зависит от нас как символических существ, это значит, что она никогда не будет в состоянии превратить человечество в эквивалент мегамшины». Вместе с тем это будет весьма трудный и длительный путь, ибо «чем более культуры подвержены десимволизации со стороны техники, тем более трудно использовать какие-либо культурные ресурсы (включая мораль и религию)» (Vanderburg, 2016, P. 254, 256–258, 260, 261, 263, 264, 271–273, 275, 283, 287–289, 291–292, 294).

Цифровое насилие, считает В. Моско, способствует утверждению невиданного ранее типа *тотального надзора*. «Умные телевизоры записывают разговоры хозяев, даже если они выключены, и посылают её в аналитические центры клаудинг-компьютеринга». «Канадцы обеспокоены тем, что их информация накапливается на серверах США». Интернет вещей отлеживает не только вкусовые пристрастия людей, но и «собирает информацию о функционировании тела, активностях людей (количество шагов за день, оценивание сердца, кровяного давления и т.д.)... некоторые из цифровых средств помещены под кожу, чтобы улучшить мониторинг сердца, но импланты также углубляют надзор». При этом собираемая информация о пользователях без их уведомления накапливается в глобальных цифровых структурах. Ещё З. Бауман обосновал постулат о «текущем надзоре» как компоненте «текущего зла» (Bauman, 2016), что означает «конец интимности»: происходит отказ от интерпретации любви как универсалии культуры (Bauman, 2003). Ныне «фирма в США выставила на рынок умный презерватив,

который не только измеряет сексуальную активность, но также заявляет о необходимости теста на болезнь, передающуюся половым путем». «Мир становится контролируемым глобальными корпорациями и надзором». На более локальном уровне цифровые средства «передают ценную информацию компании, включая возможность постоянного отслеживания местонахождения чипированного служащего... Ношение чипа на теле или под кожей неизбежно. Нет поворота назад». Возник новый тип паноптика: «Вездесущий надзор собирает столько данных, сколько возможно, создавая цифровую версию всевидящего паноптика... повсюду измеряются и отслеживаются почти все аспекты физического и ментального функционирования человека. Есть игрушки, которые не только развлекают детей, но также записывают голоса в жилой комнате и передают их для накопления как маркетинговый продукт». В итоге возникла «система, которую лучше всего назвать *надзорным капитализмом*». «Наряду с надзорным капитализмом существует надзорное государство, термин относится к процессам, которые правительства используют, чтобы мониторить людей, включая собственных граждан, для обеспечения контроля над их поведением» (Mosco, 2017. P. 20, 22, 98–99, 104, 161, 166).

Возможно, канадские социологи в ряде случаев несколько драматизируют ситуацию с цифровым насилием. Но нельзя не согласиться с тем, что цифровые технологии имеют побочные эффекты для культуры. В этом направлении ведут исследования и российские социологи, ратующие за переоткрытие социальной реальности и, соответственно, переориентацию предметной сферы социологии на проблематику жизни, гуманизма, ненамеренные последствия воздействия науки и техники на человека, общество, биосферу (Тощенко, 2016; Волков, 2016; Яницкий, 2018; Кравченко, 2014).

Метаморфозы культурно обусловленной справедливости в цифровую несправедливость. Исторически справедливость была обусловлена культурно-локальным контекстом, касалась характера взаимодействия людей. Однако ныне в представления о добре и зле, справедливости и несправедливости включаются технологические, экономические, цифровые и даже климатические факторы, оставляя в стороне их собственно культурную составляющую. Так, канадский социолог Е.Т. Дерангер в выступлении на пленарной сессии акцент сделал на сути «климатической справедливости в канадском контексте» (Deranger, 2018. P. 89).

По мнению У.Х. Вандербурга, в представления о современной справедливости вмешались экономические мифы о капитале, прогрес-

се, работе и счастье, о «новой секулярной “душе” членов общества. Стало возможным мыслить, что значимые технологические, социальные, политические, правовые, моральные, религиозные и культурные трансформации могут быть интерпретированы как второстепенные явления... Замещение культурного подхода на экономический положило начало реорганизации человеческой жизни и общества по образу машины (т.е. не-жизни)», что, по существу, привело к умалению культурно обусловленной справедливости и становлению цифровой несправедливости. Её появление и доминирование социолог связывает с появлением «техники, изменяющей людей» и «растущей зависимости от Интернета» (Vanderburg, 2016. P. 142, 144–145). Если Т. Парсонс рассматривал экономику как самостоятельно значимую подсистему общества (Парсонс, 1997), то ныне «невозможно помыслить современную экономику иначе, чем её превращение в субсистему техники. Она более не определяется культурно установленными ценностями и чаяниями обществ. Вместо этого экономики управляются стремлением к эффективности, которая поставлена на службу культу роста» (Vanderburg, 2016. P. 147).

Процессы цифровизации привнесли новые несправедливости в характер работы, что, в частности, роботы не только вытесняют рабочие места, но и минимизируют культурные связи людей. Кроме того, возникли проблемы со «здоровой работой». «Островки здоровой работы находятся в опасности, ибо поглощаются океаном нездоровой работы». Роботизация создает «систему, лишённую смысла, потому что долговременные траты и риски значительно перевешивают приобретения» (Vanderburg, 2016. P. 153, 181, 199). В. Моско новые формы несправедливости видит в том, что «все больше люди работают как ассистенты роботов и других умных средств». Массовая безработица становится «возможностью», ибо «живой труд, как Маркс называл его, ускоренно вытесняется мертвым трудом машин». Никогда в истории «не было большей угрозы для существования рабочих мест и качества труда, вызванной мертвым трудом роботов и искусственным интеллектом» (Mosco, 2017. P. 55, 177). Более того, мозг и мышление человека обретают характер функционирования цифровой техники.

Канадские социологи считают, что возврат к социально обусловленной справедливости в принципе возможен. Для этого необходимо отказаться от «секулярного опиума народа», ибо «если следовать нынешнему курсу событий, мы гарантированно разрушим себя как символических существ и, весьма вероятно, уничтожим планету вместе с нами» (Vanderburg, 2016. P. 371).

Особо отметим, что российские социологи ранее указывали на актуальность проблемы нового прочтения труда (Тощенко, 2005, 2008). Со своей стороны, мы раскрыли новые проявления несправедливости, обусловленные «нормальной аномией», возникновение которой в значительной степени обусловлено сциентизмом, формальным рационализмом, меркантилизмом, наметили шаги по минимизации её последствий (Кравченко, 2017. С. 3–13). Полагаем, после конгресса проблематика несправедливостей, обусловленных цифровизацией техники и экономики, получит новый импульс развития.

Расширение предметных полей современного научного знания: востребованность междисциплинарности с культурным и гуманистическим стержнем. Как известно, современные социальные реалии развиваются ускоряющимися темпами и усложняющимся образом сообразно эффекту «стрелы времени» (Пригожин, 2000). Соответственно, чтобы адекватно отражать эти процессы, социологическое знание также развивается в контексте «стрелы времени» (Кравченко, 2014): все международные социологические форумы ознаменовались существенным обновлением и расширением границ социологического поля. В этом плане не стал исключением XIX Всемирный социологический конгресс. Особо отметим лишь три, на наш взгляд, наиболее значимые принципиальные новации. Во-первых, показаны побочные эффекты современного тренда развития наук, выражающиеся в *абсолютизации знания монодисциплинарных наук*. Во-вторых, проблемы цифровизации социума обусловили появление *цифровой социологии*. В. Моско выступил за реанимацию контовских идей о том, чтобы «эмпирическое наблюдение и информационный опыт квалифицировались как истинно научное понимание мира» в виде *«цифрового позитивизма, позволяющего сделать факты жизни говорящими сами за себя»* (Mosco, 2017. P. 30). Заметим, преподавание курса «Цифровая социология» введено в процесс подготовки социологов в МГИМО-Университете. В-третьих, и на предыдущем, XVIII Всемирном социологическом конгрессе (Кравченко, 2015), и на нынешнем форуме настоятельно обосновывается необходимость развития *новой междисциплинарности*, имеющей культурный и гуманистический стержень. В этой связи У.Х. Вандербург отметил, что в свое время, «чтобы смягчить ограничения, навязанные нашим нынешним научным разделением труда», были созданы гибридные дисциплины: биохимия, социальная психология, системное мышление, изучение культур и др., но эти усилия не устранили «фундаментальных ограничений дисциплинарных подходов». Этот начальный тип дисциплинарности продолжал

формировать прагматические технологии, ориентированные на культ эффективности, и не устранил вытеснения роли культур в формирующемся научном знании. «Однако культуры принимают во внимание интегральность сообществ и экосистем, в то время как техника подрывает их посредством коммодификации и опредмечивания... Оценивая все в отношении ко всему другому, культура выступает как контролирующая система, которая интегрирует все аспекты общественного образа жизни». Такое внекультурное научное знание и соответствующая ему «технология, изменяющая людей» по своим последствиям формируют «культ высвобождения из общественной жизни». Для жизнедеятельности людей это имеет негативные последствия – формируются страхи, невротические синдромы и зависимости, сокращается время для близких людей (Vanderburg, 2016. P. 225, 227–228, 238, 242, 247). В итоге для более валидной интерпретации усложняющихся социоприродных реалий канадскими социологами была предложена идея необходимости перехода к новому типу междисциплинарности, основанному на человеческом духе, культуре и гуманизме.

Российские ученые не оказываются в стороне от попыток расширения предметной сферы социологии за счет усиления роли культуры и гуманизма в научном знании. Отметим лишь некоторые недавно изданные работы (Горшков, 2017; Тощенко, 2016; Дмитриев, 2017; Волков, 2018; Яницкий, 2018; Кравченко, 2016). Исторически российские социологи в противовес западному прагматизму и формальному рационализму всегда отстаивали идеи социологии, ориентированной на культуру, гуманизм, социальную справедливость (Сорокин, 2000, 1992). Несомненно, материалы XIX Всемирного социологического конгресса дадут новый импульс исследованиям в этом направлении.

Литература

Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения: филос. фрагменты. М.: Медиум, 1997.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1990.

Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: Кнорус, 2016.

References

Adorno, Th., Horkheimer, M. (1997). *Dialectic of Enlightenment*. Moscow: Medium.

Bek, U. (2000). *Risk Society. On the way to another modernity*. Moscow: Progress-Tradiciya.

Veber, M. (1990). *Politics as a vocation and profession*. *Izbrannye sochineniya*. M.: Progress.

Volkov, Yu.G. (2016). *Images of ideology and humanism in modern Russia*. Moscow: Knorus.

Волков Ю.Г., Лубский А.В. Социология как способ самопознания общества // Социологические исследования. 2018. № 7.

Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М. : Весь мир, 2017.

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации / под общ. ред. С.А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2018.

Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социофилософские очерки. М. : ЦСПИМ, 2017.

Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности / под ред. С.А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2018.

Кравченко С.А. К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социологические исследования. 2008. № 2.

Кравченко С.А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3–14.

Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. 2015. № 2.

Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5.

Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017. № 2.

Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М. : МГИМО-Университет, 2016.

Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 110–124.

Кравченко С.А., Коннов В.И. Проблемы доверия к научному знанию: риски и способы их преодоления // Политические исследования. 2016. № 5.

Volkov, Yu.G., Lubskij, A.V. (2018). Sociology as a way of society's self-knowledge. *Sociologicheskie issledovaniya*, 7. (in Russian).

Gorshkov, M.K. (2017). Russian society in the context of a new reality. To the results and continuation of the sociological megaproject. Moscow: Ves' mir.

Humanistic Turn: Imperative of the Human Civilization (2018) / ed. by S. Kravchenko. Moscow: MGIMO-University.

Dmitriev, A.V., Sychev, A.A. (2017). Provocation: Socio-Philosophical Essays. Moscow: CSPIM.

Confidence in knowledge in conditions of social turbulence: risks, vulnerabilities, security challenges (2018). Moscow: MGIMO-Universitet.

Kravchenko, S.A. (2008). To the results of the VIII Conference of the European Sociological Association: thematic, theoretical and methodological innovations. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2017). Metamorphoses: essence, more complex types, place in sociological knowledge. *Sociologicheskie issledovaniya*, 10, 3-14. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2015). The bridges connecting all sorts of splits of sociology for a more equal world. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2014). The rediscovery of social reality as an indicator of the validity of sociological knowledge. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2017). The coexistence of riskophobia and riskophilia is a manifestation of “normal anomie”. *Sociologicheski issledovaniya*, 2. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2016). Sociological diagnostics of risks, vulnerabilities, trust. Moscow: MGIMO-Universitet.

Kravchenko, S.A. (2014). The Arrow of Time: Modern Challenges of Sociological Knowledge. *Sociologicheskaya nauka I social'naya praktika*, 1, 110-124. (in Russian).

Kravchenko, S.A., Konnov, V.I. (2016). Problems of trust in scientific knowledge: risks and ways to overcome them. *Politicheskie issledovaniya*, 5. (in Russian).

Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / под ред. И.Г. Тюлина. М. : МГИМО-Университет, 2004.

Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994.

Маркс К. Капитал // Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1960. Т. I.

«Нормальная аномия» в России и современном мире / под ред. С.А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2017.

Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли. М. : Мысль, 1997. Т. 2.

Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1997.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 2000.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : ЗХГИ, 2000.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Социология питания: традиции и трансформации / под ред. С.А. Кравченко и Н.Н. Зарубиной. М. : МГИМО-Университет, 2017.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М. : Юнити, 2016.

Тощенко Ж.Т. Социология труда. М. : Юнити-Дана, 2008.

Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М. : Мысль, 2005.

Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть? Минск: В.П. Ильин, 1997.

Фуко М. Интеллектуалы и власть. М. : Праксис, 2002.

Энгельс Ф. Об авторитете // Соч. М. : Политиздат, 1961. Т. 18.

Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек. М. : ФНИСЦ, 2018.

Abraham M. Welcome address by the President of the International Sociological Association // XIX World Congress of Sociology, July 15-21. Toronto, Canada, 2018.

Alexander J.C. The Civil Sphere. Oxford University Press, 2006.

Tolerance culture: the experience of diplomacy for solving modern management problems (2004) / Ed. I. G. Tyulin. M.: MGIMO-Universitet.

Manhejm, K. (1994). Ideology and Utopia. *Diagnosis of our time.* Moscow: Yurist.

Marks, K. (1960). Capital. *Soch.* 2th ed. Moscow: Politizdat, I.

“Normal anomie” in Russia and the modern world (2017). Moscow: MGIMO-Universitet.

Parsons, T. (1997). On the notion of «political power». *Antologiya mirovojpoliticheskoj mysli.* Moscow: Mysl', 2.

Parsons, T. (1997). The system of modern societies. Moscow: Aspekt Press.

Prigogine, I., Stengers, I. (2000). Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature. Moscow: Progress.

Sorokin, P. (2000). Social and Cultural Dynamics: A Study of Changes in the Great Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relations. Saint Petersburg: ZHGI.

Sorokin, P. (1992). Human. Civilization. Society. Moscow: Politizdat.

Sociology of Nutrition: Traditions and Transformations (2017). Moscow: MGIMO-Universitet.

Toshchenko, Zh.T. (2016). Sociology of life. Moscow: Yuniti.

Toshchenko, Zh.T. (2008). Sociology of labor. Moscow: Yuniti-Dana.

Toshchenko, Zh.T. (2005). Sociology of labor: experience of new reading. Moscow: Mysl'.

Fromm, E. (1997). Man for himself. Minsk: V.P. Il'in.

Fuko, M. (2002). Intellectuals and power. Moscow: Praksis.

Ehngel's, F. (1961). About authority. *Soch.* M.: Politizdat, 18.

Yanickij, O.N. (2018). Globalization. City. Human. Moscow: FnISC.

Abraham, M. (2018). Welcome address by the President of the International Sociological Association. *XIX World Congress of Sociology,* July 15-21. Toronto, Canada.

Alexander? J.A. (2006). The Civil Sphere. Oxford University Press.

Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity Press, 2003.

Bauman Z., Donskis L. Liquid Evil. Cambridge: Polity Press, 2016.

Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.

Castro J.E. Socio-ecological Violence, Resistances, and Others // XIX World Congress of Sociology, July 15-21. Toronto, Canada, 2018.

Deranger E.T. Indigenous Climate Action: Indigenous Peoples, Climate Change, and Climate Justice in the Canadian Context // XIX World Congress of Sociology, July 15-21. Toronto, Canada, 2018.

Emerson R.M. Power-Dependence Relations // American Sociological Review. 1962. № 27.

Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2 // Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1987.

Mosco V. Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2017.

Vanderburg W.H. Our Battle for the Human Spirit. Toronto: University of Toronto Press, 2016.

Vanderburg W.H. Our War on Ourselves. Toronto: University of Toronto Press, 2011.

Bauman, Z. (2003). Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity Press.

Bauman, Z., Donskis, L. (2016). Liquid Evil. Cambridge: Polity Press.

Beck, U. (2016). The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press.

Castro, J.E. (2018). Socio-ecological Violence, Resistances, and Others. XIX World Congress of Sociology, July 15-21. Toronto, Canada.

Deranger, E.T. (2018). Indigenous Climate Action: Indigenous Peoples, Climate Change, and Climate Justice in the Canadian Context. XIX World Congress of Sociology, July 15-21. Toronto, Canada.

Emerson, R.M. (1962). Power-Dependence Relations. *American Sociological Review*, 27.

Giddens, A. (1984). The Constitution of Society: Outline of the theory of Structuration. Cambridge: Polity Press.

Habermas, J. (1987). The Theory of Communicative Action. Vol. 2. *Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston: Beacon Press.

Mosco, V. (2017). Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society. Bingley: Emerald Publishing Limited.

Vanderburg, W.H. (2016). Our Battle for the Human Spirit. Toronto: University of Toronto Press.

Vanderburg, W.H. (2011). Our War on Ourselves. Toronto: University of Toronto Press.

Поступила в редакцию

21 сентября 2018 г.